

Слободан Антонич
**ПЯТОЕ ОКТЯБРЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
СЕРБИИ***

В данной статье исследуются перспективы демократизации Сербии после Милошевича в свете революции 5 октября 2000 г. После анализа этого многопланового события я попытаюсь обсудить влияние каждой его составляющей на демократическое будущее Сербии.

Народно-революционные черты

Когда речь заходит о событиях 5 октября 2000 г., прежде всего в воображении возникают толпы разъяренных людей, штурмующих здание скупщины Сербии и бульдозер Любисава Джокича, «экскаваторщика Джо»; затем по Таковской улице все направляются к зданию редакции государственного Радиотелевидения Сербии (РТС). В этих событиях есть несколько моментов, не имевших места во время предыдущих попыток свергнуть режим Слободана Милошевича.

* Новая сербская политическая мысль (Nova srpska politička misao). Отдельное издание 1 (2001). Принято 15 марта 2001 г.

Во-первых, количество участников. Народ и раньше выходил на улицы Белграда, протестуя против власти Милошевича. Согласно общему мнению, наибольшее количество демонстрантов было зафиксировано в ночь на 13 января 1997 г. и составило 200–300 тыс. человек (по оценкам прессы, эта цифра доходила до полумиллиона – Antonić, 1997:86). Однако 5 октября на улицы столицы вышло более 500 тыс. человек, белградцев и жителей других городов (газета «Блиц» (Blic). С. 3), а по оценкам полиции – 800 тыс. (газета «Недельни телеграф» (Nedeljni telegraf), 1 ноября 2000 г. С. 6).

Во-вторых, у народа, вышедшего на улицы, уже имелся десятилетний опыт манифестаций против Милошевича. Особенно бурной была зима 1996–1997 гг., когда три месяца сотни тысяч людей требовали по всей Сербии, чтобы Милошевич признал результаты выборов в местные органы управления. Поэтому 5 октября большинство демонстрантов было настроено совершить что-то такое, чтобы покончить с ненавистным режимом Милошевича раз и навсегда.

В-третьих, это «что-то» осеяло протестующих спонтанно. Конечно, у лидеров Демократической оппозиции Сербии (ДОС)¹ был свой замысел. Они намеревались захватить здания Союзной скупщины, телевидения, Союзного правительства, аэродрома и городской полиции. Тогда бы они потребовали, чтобы группа международных наблюдателей объявила истинный результат прошедших выборов. В тот день в общем-то не планировалось свержение Милошевича (журнал «НИН» (NIN), 12 октября 2000 г. С. 14; Đinđić 2000: 2.36). Однако этот план провалился. Жители г. Нови Сад, кото-

Слободан Милошевич на последнем съезде компартии Югославии. 1990 год

рые должны были захватить Союзное исполнительное вече (СИВ), просто прошли перед зданием и направились в центр города. Точно так же поступили жители г. Шабац, которым надлежало занять аэродром, и жители г. Зренянин, вместо того, чтобы окружить полицейский участок на улице 29 ноября. Зоран Джинджич, пользующийся репутацией «хорошего организатора», в воспоминаниях (2000)

Лидеры Демократической оппозиции Сербии

описывает охватившее его чувство смутного беспокойства от такого поворота событий. Даже штурм здания скупщины выглядел как единый порыв сплотившегося народа, а не успешное осуществление замысла оппозиционного «генерального штаба». «Скупщина взята, но никто из лидеров ДОС предварительно не выкрикнул «Атака!» (Bujošević i Radovanović, 2000:165). Таким образом, «спонтанность» победила «организацию».

Поистине эти черты придают событиям 5 октября 2000 г. характер революции.

Грань вооруженного мятежа

За исключением событий 9 марта 1991 г., когда демонстранты стойко противостояли отрядам полиции, и 1 июня 1993 г., когда сторонники Вука Драшковича пытались взять штурмом Союзную скупщину, все остальные народные выступления против Милошевича были мирными и ненасильственными. 5 октября 2000 г. большая часть оппозиционных лидеров и самих участников были готовы применить силу, чтобы покончить с действующим режимом.

В отличие от предыдущих попыток свержения Милошевича, на этот раз вожди оппозиции обеспечили «серьезную компетентную помощь со стороны бывших (или действующих) полицейских и офицеров, а затем были подготовлены центры оперативной акции. Учитывалось все: оружие и оборудование, телекоммуникации, логистика, транспорт и, прежде всего, планирование» (Vasić, 2000:14).

Скажем, Небойша Чович² раздобыл грузовик с ружьями и вооружил 150 человек, «в основном бывших полицейских» (Bujošević i Radovanović, 2000:30). По словам Джинджича, в ночь с 4 на 5 октября штаб-квартиру Демократической партии на Крунској улице охраняли 20 человек с автоматами, к которым в случае нападения должна была присоединиться тысяча вооруженных людей! (Đinđić 2000: 3.34). В длинных вереницах различных транспортных средств, отовсюду стекавшихся к Белграду, тоже было много оружия. «Во главе колонны были крутые парни. В каждой из этих групп было по 15–20 вооруженных людей, у них была взрывчатка, бронежилеты и много личного оружия» (Đinđić 2000: 3.34). «Только в одной машине насчитали: снайперскую винтовку с двумя сотнями патронов, пистолет 7,62 ТТ, пистолет 7,65, пистолет-автомат "Скорпион" с глушителем и восемь бомб» (Bujošević i Radovanović, 2000:75). В самом Белграде для защиты от возможной танковой атаки кое-кто вооружился «ручными ракетными установками» (Bujošević i Radovanović, 2000:87), а у отряда из двенадцати человек был наготове «Молотов-коктейль» (Đinđić 2000: 3.36).

Наконец, были группы, заранее подготовленные к стычкам с полицией. Одна из них – группа Боголюбa Арсениевича Макия³ – насчитывала около двадцати человек, обученных бросать «Молотов-коктейль». Другая группа «Отпораша» учила, «где кому следует быть; действия ударной группы; что задние ряды должны быть вооружены камнями, если полиция прорвется; как сохранить самых важных людей; способы коммуникации; как обращаться с оборудованием» (Bujošević i Radovanović, 2000:27; 65).

Таким образом, в событиях 5 октября присутствуют черты вооруженного мятежа. Они, конечно, не преобладали, так как скопление народа придало происходившему вид революции. Все же эта сторона событий очень важна для понимания поведения участников переворота, а также для большей ясности насчет демократических перспектив Сербии после 5 октября.

Элемент заговора

Несмотря на многочисленность и решительный настрой участников уличной манифестации 5 октября, а также подготовленность оппозиции, Милошевич располагал достаточным количеством сил, чтобы разогнать демонстрантов. В первой половине 1990-х гг. он увеличил число полицейских больше чем вдвое (с 40 тыс. практически до 100 тыс.), раздал им звания, вооружил 150 БТР и 170 минометами (Antonić, 2000). В конце 1990-х гг. Милошевич подчинил себе и армию, очистив ее от непокорного офицерского состава. Но в решающий момент и полиция, и армия отказались ему повиноваться.

При анализе событий 5 октября не покидает ощущение, что в тот день полиция и армия действовали не так, как надлежит в подобных ситуациях. И у полиции, и у армии должны были быть разведанные относительно готовящейся акции (NIN. 12 октября 2000 г. С. 14). «Служба госбезопасности с ее серьезными ресурсами могла предотвратить события среды и четверга, если бы хотела – не стоит обманываться на этот счет. МВД Сербии в критическую ночь могло перекрыть въезд в Белград, прекратив тем самым массовый приток людей в столицу, и взять город под свой контроль даже без помощи армии, но этого не произошло» (Vasić, 2000: 15). «Для начала представьте, что могло бы произойти, если бы снайпер разнес голову водителю бульдозера и еще несколькими самым активным демонстрантам», – зада-

ется вопросом один бывший полицейский (NIN. 12 октября 2000 г. С. 14).

Вместо этого полиция, которая была основной опорой Милошевича, вела себя необычно пассивно.

Колонны из других городов без труда преодолевали полицейские кордоны, вопреки приказу Влайко Стойильковича⁴ любыми мерами остановить марш на Белград (по словам генерала Обрада Стевановича и его заместителя полковника Любы Алексића – Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 5–7).

Колонну из Нового Сада должно было остановить заграждение, составленное из дорожных конусов! Когда из колонны стали кричать и напирать на полицейских, те расступились со словами: «А чего не говорите, что вам пройти надо» (!) (Bujošević i Radovanović, 2000:76). Жители города Ковин рассказывают, что полицейские сами им сказали, что «для порядка они должны задержать их минут на десять», и затем пропустили (Blic. 6 октября 2000 г. С. 9). Столь слабая оборона подступов к Белграду тем более изумляет, что ее осуществляли по большей части бойцы спецполиции (Bujošević i Radovanović, 2000:56), до той поры блестяще действовавшие в подобных ситуациях (к примеру, митинг в г. Пожаревац 9 мая 2000 г., куда не были допущены сторонники оппозиции).

Во-вторых, полиция вяло обороняла ключевые здания охраны порядка. Для зданий обеих скупщин, президиума, РТС, Радиотелевидения «Студии Б» и т. д. было предусмотрено менее 500 человек из Белграда и 600 с периферии. Но и эта цифра на самом деле была значительно меньше. Половина полицейских не смогла добраться до столицы (Bujošević i Radovanović, 2000:54–5). А полицейские, защищавшие здания, делали это неуклюже и с явной неохотой. Во время штурма скупщины «полицейские старались не перехватить инициативу, а казалось, только уворачивались от камней и других предметов, летевших со всех сторон» (Blic. 6 октября 2000 г. С. 3). «Кордона не было, не было каких-либо заграждений, обычных в

таких ситуациях» (Bujošević i Radovanović, 2000:131). Правда, полиция использовала огромное количество слезоточивого газа, а кое-кто из демонстрантов получил побои, но ничего более. Стоит напомнить, что полиция при обороне охраняемого объекта имела право применять огнестрельное оружие. Автор этих строк лично принимал участие в штурме здания РТС и помнит, какая началась паника, когда в кого-то из нападавших случайно попала шальная пуля. А как бы развивались события, если бы полиция всерьез открыла огонь на поражение?

В-третьих, отряды полиции, специально подготовленные для таких случаев, просто выполняли приказ некомпетентного командования. Как уже было сказано, большая часть отрядов спецполиции была рассредоточена вокруг Белграда, образовав тройное кольцо обороны. Они должны были остановить поток разъяренных граждан, которые со всех направлений устремились к столице. Когда же оборону прорвали, никому не пришлось в голову собрать отряды полицейских и окольными путями привести их в Белград (Bujošević i Radovanović, 2000:83). Но даже если большая часть спецполиции находилась за пределами города, другая ее часть должна была оставаться в Белграде для поддержания порядка и защиты Милошевича. Между тем действия полиции на столичных улицах были крайне неэффективными, с использованием самых примитивных средств. Блестители правопорядка применяли в основном слезоточивый газ и колотили дубинками направо-налево. Не использовалась бронетехника со специальными решетками для разгона толпы, как 9 марта 1991 г. Не было водометов, любимого средства для «остужения горячих голов», применявшихся в ночь со 2 на 3 февраля 1997 г. Не участвовали ни конная полиция, как 9 марта, ни джипы, с помощью которых, например, разгоняли демонстрацию 17 и 18 мая 2000 г. (см. описание в газете «Данас» (Danas). 20–21 мая 2000 г. С. 11).

Единственная спецполиция, появившаяся в Белграде в полной боевой готовности, – это так называемое подраз-

деление специальных операций (ПСО) службы госбезопасности. В шести бронемашинах, окрашенных в защитный цвет, находилось несколько десятков «красных беретов», вооруженных тяжелыми пулеметами (12,7 мм), пистолетами и даже секирами (Vreme. 12 октября 2000 г. С. 7; Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6). Но, за исключением использования слезоточивого газа во время попыток прорваться к зданию РТС, они тоже не вступили в бой, а через некоторое время отступили.

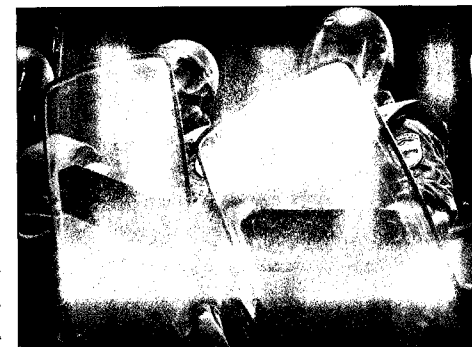
Примерно то же самое можно сказать и об армии. Правда, полностью Милошевич подчинил себе армию только в конце 1998 г., да и основу большинства подразделений составляли желторотые рекруты. Но там было достаточно людей Милошевича для передачи приказов и профессиональных отрядов для исполнения этих приказов. Кроме Первой бронебригады, дислоцированной в Баньнице, в распоряжении Милошевича были и такие спецотряды, как Специальная 72-я или 63-я парашютные бригады. А если бы противостояние затянулось, президент СРЮ мог бы вызвать из Черногории верный 7-й или 4-й батальон военной полиции, насчитывавшие 1500 человек (Vreme. 12 октября 2000 г. С. 17).

И все же армия осталась в казармах. После того как демонстранты прорвались в здание скупщины, Милошевич по телефону потребовал от начальника Генерального штаба Небойши Павковича послать войска на мятежный город. Павкович приказ принял, но с выполнением медлил, поэтому Милошевич звонил повторно. Но вместо того, чтобы организовать поход на Белград, Павкович принялся составлять план обороны элитного столичного района Дединье, однако когда стало ясно, что взбунтовавшийся народ не покинет здания скупщины, былработан новый план. Согласно этому плану перед рассветом, когда еще темно, надлежало напасть на центр города и подавить бунт. Но и этот план не был осуществлен вследствие долгих колебаний Павковича насчет отдачи соответствующего приказа. В конце концов генералы

Александр Василевич, а затем Милан Джакович начали открыто требовать невмешательства армии. Таким образом Милошевич был оставлен на произвол судьбы. Павкович словно того и ждал, и в 7.30 утра Генштаб сообщил, что армия «уважает избирательную волю граждан» (Stojadinović, 2000:1;2).

Почему же полиция и армия так плохо обороняли власть Милошевича? В отношении полиции существуют два объяснения.

Во-первых, плохое командование. Кажется, план обороны составлял сам министр внутренних дел Влайко Стойилькович. Он же беспокоился за его выполнение, так как есть свидетельства, что министр лично звонил в полицейские участки и давал указания. Впрочем, этот пузатый грубиян, достигший своего положения благодаря не способностям, а подхалимству перед женой Милошевича, мало что понимал в делах внутренних войск. Поэтому, как было сказано выше, он разбил отряды спецполиции, которые должны действовать только сообща, на небольшие группы и рассредоточил их в тройное кольцо обороны вокруг Белграда, обезвредив тем самым самое мощное оружие Милошевича (Bujošević i Radovanović, 2000:44; 56).

Полицейские в Белграде, готовые к борьбе с демонстрантами

Второе объяснение слабых действий полиции – неподчинение. Были случаи, что полиция и раньше не выполняла приказы Милошевича и высшего руководства. Скажем, во время событий 9 марта 1991 г. «одно подразделение милиции на позиции около Дома Армии неоднократно отказывалось выполнять приказы» (Vasić, 1991). Но на

этот раз уклонение от выполнения приказов стало общим явлением. Зафиксированы случаи, когда полицейские открыто проявляли неповиновение начальству. Так, подразделение спецполиции из г. Ниш (400 полицейских) отказалось идти к Белграду, сложив бронежилеты и оборудование перед отделением республиканского МВД. Глава нишского Секретариата внутренних дел Здравко Скакавац не пытался разубедить их, сказав, что «время тяжелое и что он понимает их поступок». Более того, нишские полицейские связались по телефону со своими коллегами из Пирота и убедили и их не ходить на Белград (Danas. 6 октября 2000 г. С. 1).

В то же время были среди полицейских (особенно среди офицерского состава) и те, кто принимал приказы, но уклонялся от их выполнения. Полковник Зоран Симович получил приказ сбросить с вертолета на толпу слезоточивый газ возле здания скупщины. Поскольку газ содержался в баках весом до 10 кг, в плотной толпе это неминуемо означало бы смертельный исход для тех, на чьи головы эти баки свалились бы. Полковник уклонился от выполнения такого приказа, заявив, что под ним очень густая дымовая завеса, что он не видит цель и не может действовать (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6; (Bujošević i Radovanović, 2000:159–160). Наконец, некоторые полицейские в эти дни попросту не вышли на службу (как командир Союзной бригады, полковник Люба Лончаревич, который должен был охранять здание скупщины, — Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6).

Что же касается армии, тут объяснение следующее. Большая часть офицерского состава была равнодушна к Милошевичу, но немало было и таких, кто презирал его. Младшие офицеры подумывали об устранении диктатора, а кое-кто создал тайные организации. Одна из них, ставшая известной общественности в 1999 г., — так называемая Освободительная сербская армия (ОСА), во главе которой стоял лейтенант из г. Крушевац Бобан Гайич. Когда стало ясно, что выборы 24 сентября 2000 г. Мило-

шевич проиграл, но попытается силой удержать власть, многие офицеры решили его не поддерживать. Когда 4 октября 2000 г. председатель Верховного Военного Суда Милош Гойкович предложил арестовать вождей оппозиции, изолировав их таким образом от народа, другие судьи его не поддержали (Stojadinović, 2000:1). Утром 5 октября некоторые офицеры говорили солдатам, что не поведут их против народа, даже если поступит приказ от высшего командования (Vreme. 12 октября 2000 г. С. 17).

Генерал Павкович должен был знать, какая часть армии ненадежна. Вместе с тем возникает вопрос: если бы он подчинился приказу Милошевича и послал танки, что бы с ними было? После взятия полицейского участка на улице Матери Ефросимы народ около скупщины вооружился 300 автоматами Калашникова, 16 пулеметами, 19 «Скорпионами» и 260 пистолетами. Оппозиция подготовила тяжелую технику городских служб, грузовики, автобусы и трамваи, чтобы соорудить из них противотанковые заграждения. Помимо уже упоминавшейся группы с «Молотов-коктейлем» другая группа мятежников вооружилась ручной ракетной установкой и заняла позицию на улице Князя Милоша (Bujošević i Radovanović, 2000:243; 87; 241). Если бы армия все-таки вошла в столицу, то разыгралось бы настоящее сражение. У Павковича были свои осведомители около скупщины, информировавшие его о количестве народа, настроении людей, о том, готовы ли демонстранты идти до конца (Stojadinović, 2000). Поэтому он и отступился. «Мне кажется, — говорит Джинджич, — если бы была уверенность, что вторжение даст результат, оно бы произошло. Тут не было никаких ни моральных аргументов, ни совести, а просто вопрос эффективности» (Đinđić, 2000:3.34).

В целом, что характерно и для армии, и для полиции, — это отсутствие рвения выполнять приказы Милошевича. Рядовые полицейские и военные были по горло сыты его властью. Возможно, цифра проголосовавших за Коштуницу полицейских и военнослужащих в 83% несколько

завышена (NIN. 12 октября 2000 г. С. 14), но, скажем, большинству жандармов надоело за мизерную плату вступать в стычки со своими родственниками и соседями. А в те октябрьские дни эти стычки были опасными. К примеру, как остановить колонну разозленных жителей г. Чачак длиной в 22 км, сидящих в 230 грузовиках, 52 автобусах и в бесчисленном множестве автомобилей, вооруженных не только камнями и палками, но и винтовками, пистолетами и бомбами (Vujošević i Radovanović, 2000:74-5)?

Конечно, можно было последовать приказу Влайко Стойильковича и поражать ручными ракетными установками автобусы и грузовики. Пассажиры и транспортные средства испепелились бы во взрывах, дающих температуру до 2000°C. Так же можно было действовать согласно приказу, лично переданному Павковичу в ночь на 5 октября начальником охраны Миры (Мирьяны) Маркович офицером полиции Джорджевичем (Đinđić, 2000:3.36), которым требовалось ликвидировать шесть самых опасных оппозиционеров (Воислава Коштуницу, Зорана Джинджича, Владана Батича, Небойшу Човича, Момчило Перишича, Велимира Илича), а остальных арестовать (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 7). Но выполнение этого приказа было бы преступлением, которым большинство рядовых полицейских или военных не хотело запятнать свою совесть.

Чины военного и полицейского командования должны были сознавать, что последовательное выполнение приказов 5 октября 2000 г. лично для них значило бы перейти Рубикон. Взрывать автобусы или посылать танки на город — это повлекло бы за собой большое количество жертв. А столкновения с таким агрессивно настроенным и вооруженным народом переросли бы в гражданскую войну. И если офицеры полиции и армии хоть немного разбирались в сложившейся ситуации, они должны были понимать, что эту войну Милошевичу не дадут выиграть. Войска НАТО были рассредоточены повсюду вокруг Сербии и только и ждали подходящего момента, чтобы

под предлогом предотвращения еще одной «гуманитарной катастрофы» двинуться на Белград. Так для чего махать руки и ставить себя под удар сейчас, чтобы завтра сложить голову ради Милошевича и его жены?

Приведенные доводы частично объясняют причины быстрого слома полиции и армии Милошевича. Однако их недостаточно. Например, в отношении полиции мы вправе задать вопрос: как получилось, что Влайко Стойилькович лично спланировал и разработал стратегию обороны 5 октября? Где же были остальные генералы МВД, проверенные фавориты Милошевича? Напомню, что согласно довольно убедительным сведениям одного офицера жандармерии, «у всех генералов МВД, кроме генерал-лейтенанта Мишича, были роскошные квартиры в районе Дединье, и все они ездили на шикарных бронированных авто, чаще всего BMW, стоимость которых составляла от 200 до 600 тыс. марок» (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 7). Эти генералы были заинтересованы в защите Милошевича и его режима. Но Стойильковича покинули на произвол судьбы вместе с его «тройным кольцом обороны Белграда».

Неэффективность действий полиции 5 октября вряд ли можно списать исключительно на малодушие рядовых полицейских и их командиров. Вскоре по свершении переворота появились свидетельства, что часть верхушки МВД участвовала в своего рода заговоре. Прежде всего, сразу после выборов 24 сентября командующий Специальными антитеррористическими подразделениями, этой убойной силой госбезопасности, полковник МВД Живко Трайкович сказал товарищам, что не пойдет на народ. Он попытался связаться с Коштуницей. Госбезопасность открыла эту его попытку. Поэтому в ночь на 28 сентября он был снят с должности и переведен в г. Куршумлию. Опасаясь за свою жизнь, Трайкович исчез и в последующие дни скрывался в Белграде (Vreme. 19 октября 2000 г. С. 7).

Однако мятеж в ведомстве общественной безопасности продолжал назревать. Его лично возглавил начальник общественной безопасности, генерал Властимир

Джорджевич! 4 октября у него состоялась встреча с еще одним генералом МВД и тремя полковниками, на которой было решено «игнорировать приказы, мотивируя это проигрышем Милошевича на выборах. Мол, пусть сам выпутывается, а нас не втягивает» (Đinđić, 2000: 3.34). Конечно, открыто генерал Джорджевич не посмел бы не подчиниться приказам Милошевича. Но очевидно, что как следует он их не выполнял. Не только отряды спецполиции, рассредоточенные в «кольце обороны» Стойильковича, скорее делали вид, что преграждают путь, но и действия Специальных антитеррористических подразделений были совершенно неподобающими. Когда после взятия скупщины они получили приказ выходить на улицы города, бойцы этих подразделений оставили все свое тяжелое вооружение (винтовки, бомбы и т. д.) во дворе здания на улице Князя Милоша, 101 и отправились на задание только с пистолетами. На них были знаки отличия Специального антитеррористического подразделения, что необычно в такого рода ситуациях. В некий момент, непонятно когда и как, бойцы спецподразделения подошли к народу и принялись обниматься и целоваться с гражданами. «Этот жест направил события 5 октября в другое русло и предопределил все остальное», — свидетельствует высший офицер МВД, мнение которого автору этих строк кажется достаточно убедительным. «После того как стало известно, что спецотряды соединились с народом, наши средства связи раскалились от звонков из всех центров и со всех пунктов, когда все поняли, что это наяву и свершилось, — все наши спецы в Белграде отказались выполнить команду выйти против граждан. Полиция побросала свои винтовки, дубинки, щиты» (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6).

Другую ветвь МВД, органы государственной безопасности, тоже охватил заговор. Командующий около 1200 «красных беретов», так называемого Подразделения специального назначения (ПСО) Милорад Лукович, по прозвищу Легионер, в ночь накануне 5 октября потребовал встречи с Джинджичем. «Он сказал, — рассказывает Джинджич, —

что завтра они получают приказ вмешаться, но они вступят в бой, только если в полицию будут беспричинно стрелять и если будет попытка атаковать казармы, важные объекты для безопасности страны... Он сказал мне, что у "красных беретов" и антитеррористического спецназа полный контакт и что их действия будут синхронизированы... В заключение он заверил: "Я тебе гарантирую, что завтра против вас никто ничего не предпримет"» (Đinđić, 2000: 3.34). После взятия РТС Легионер повел часть своих людей в полной боевой выкладке к зданию на Таковской улице. Но никаких действий с их стороны не последовало. «Спустя двадцать минут "красные береты", то есть их командир Легионер, потребовали подкрепления. Из отрядов госбезопасности, однако, никто не хотел вмешиваться, и "красные береты" тоже перешли на сторону народа» (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6).

Наконец, есть свидетельства о том, что полиция все время поддерживала контакт с мятежниками. «Подготовка велась в условиях строжайшей секретности, — рассказывает Велимир Илич, — особенно с офицерами и инспекторами полиции... Среди нас были действующие полицейские в штатском, даже из элитных белградских подразделений. Они помогали нам получить разного рода информацию: что полиция собирается предпринять, куда направляется и что нас может ожидать на пути... У нас, конечно, была агентура и в Белграде, в полиции, которая тоже нас снабжала информацией. Достоверность и точность мы проверили, когда направлялись на колубарские шахты, в "Тамнаву"⁵. Оказалось, что нам поступала точная информация... Нам было очень важно поддерживать контакт с нашими агентами в полиции: у нас были гарантии, что в нас не будут стрелять, а также что они выступят против нас в половине четвертого... Много раз нам пришлось отступать из-за слезоточивого газа и дымовых шашек... Люди не выдерживали — задыхались и падали. Полиция нам говорила потерпеть еще немного, что скоро все закончится. Нам пообещали, что силы полиции перей-

дут на нашу сторону. Вот так было» (Vreme. 12 октября 2000 г. С. 12–13).

Разумеется, нельзя события переворота 5 октября приписывать заговору в стенах МВД. Успешные государственные перевороты, совершенные полицией, – редкость. (В качестве успешного Э. Лутвак приводит только пример полицейского путча в Панаме 20 ноября 1949 г. – E. Luttwak, 1969:195). В Сербии участники полицейского заговора не ставили целью свержение Милошевича, они просто уклонились от исполнения его приказов. Полиция здесь не была непосредственным исполнителем государственного переворота. Силы МВД содействовали тому, чтобы перед настоящими его исполнителями не были поставлены чересчур серьезные препятствия. Кроме того, в кулуарах МВД не сложилось единого заговора, а скорее сеть небольших, независимых друг от друга заговорщических кружков, помогавших мятежникам. Действительно, то, что случилось 5 октября, было неким протозаговором. Не было времени, да и необходимости в настоящих разветвленных заговорах и государственном перевороте. Достаточно было небольшого попустительства, всего-то «не выполнить приказ», чтобы волна народного гнева и массы народа на улицах в одночасье смыли Милошевича и его режим.

А когда полиция, надежная опора Милошевича, отступила перед этой сокрушительной мощью, армия уже не понадобилась. Гораздо менее зависимая от Милошевича, она позже всех оказалась перед выбором, встать ли на сторону народа или защищать режим. Поэтому и в армейских кругах заговор успел созреть еще в меньшей степени, чем в МВД. Но все же отказ Павковича идти на восставший город стал переломным моментом в цепи событий 5 октября, равно как и аналогичное решение командующего общественной безопасностью и командира «красных беретов». Если бы Павкович встал на защиту дединского самодержца, вряд ли он спас бы его. Но генерал мог собрать вокруг себя достаточное количество сторонников Милошевича, а также колеблющихся, предос-

тавив тем самым Милошевичу шанс на еще одно сражение. В этом смысле решение Павковича остаться в стороне имеет элемент заговора, так же как уклонение от выполнения приказов высших полицейских чинов.

Шпионский элемент

Присутствие зарубежного фактора в событиях 5 октября – вопрос, менее всего обсуждаемый нашей общественностью. Если о заговоре в МВД и наличии оружия у мятежников появилась информация, то о помощи иностранных государств в свержении Милошевича можно только догадываться. Все же некоторые признаки указывают на несомненную роль иноземного фактора в произошедшем перевороте.

Прежде всего серьезная финансовая поддержка тех, кто был готов сокрушить режим Милошевича. Конечно, среди оппозиционных партий и союзов были и те, кто боялся принимать зарубежную помощь, дабы не попасть в зависимость от иностранных спонсоров. Но поскольку большая часть населения Сербии была доведена практически до нищенства, а все остальные финансовые источники для оппозиционеров внутри страны Милошевич успешно перекрыл, оппозиционному движению просто ничего другого не оставалось. Приветствовались любые деньги, которые помогли бы свергнуть диктатора и установить демократический порядок в Сербии.

Предвыборный плакат
Слободана Милошевича

Сумма денежной помощи, оказанной в одном только 2000 г., вероятно, так и останется тайной. Существуют данные, почерпнутые автором этих строк у людей, которым у него нет оснований не доверять, что в тот год в Сербию было переведено 48 млн. долларов. Можно представить, о каких суммах идет речь. Возможно, для другой страны это не показалось бы слишком много, но в сербских условиях это были колоссальные деньги, если учесть, что средняя месячная зарплата в Сербии составляла 40 долларов. То есть предоставленная помощь приравнивалась к миллиону ежемесячных окладов. Это то же самое, как если бы, скажем, для свержения голландского правительства было выделено 2 млрд. долларов!

Функционирование этих денег было заметно повсюду. Так, студенческая организация «Отпор» («Сопротивление») открыла свои представительства в 123 городах Сербии (газета «Голос общественности» (Glas javnosti). 6 июля 2000 г. С. 4). Это подразумевало покупку огромного количества жилой и коммерческой недвижимости. Только в Белграде у «Отпора» была штаб-квартира в самой дорогой части города, в центре (Кнез Михайлова улица), а также он являлся собственником по крайней мере одной явочной квартиры неподалеку от рынка «Зелени венац» (Bujošević i Radovanović, 2000:109). Когда в руках полиции оказался пропагандистский материал «Отпора», для его транспортировки потребовались грузовики. Разумеется, это не могло быть оплачено добровольными пожертвованиями бедных сербских студентов.

Такую же платежеспособность проявляли и оппозиционные партии. По свидетельству Джинджича, у Демократической оппозиции Сербии обнаружилось достаточное количество средств, чтобы выкупить все время, которое предоставляли местные TV и радиостанции по всей Сербии (Đinđić, 2000:2.33). Никогда граждане не получали такого количества листовок и других агитматериалов, как перед теми выборами. Лидеры оппозиции снимали номера в отеле «Хайатт», когда надо было скрыться от полиции

(Bujošević i Radovanović, 2000:60). Но особенно бросается в глаза техническая оснащенность оппозиционеров. У них были бронежилеты, устройства для фильтрации радиочастот, помещения, защищенные от прослушивания, устройства для внедрения в программы государственного телевидения, прослушивающие устройства частот МВД и т. п. (Bujošević i Radovanović, 2000:28; 42; 49; 53; 67). Джинджич сообщал о 35 спутниковых телефонах, защищенных от прослушивания (так называемые скремблированные сигналы), по которым оппозиционеры координировали свои действия (Đinđić, 2000:2.33). А у Васича можно прочесть, что в распоряжении оппозиции было оборудование не только для глушения частот полиции в опасных ситуациях (попытка полиции взять шахту «Тамнава»), но и для прослушивания во время событий 5 октября переговоров оперативного штаба городской полиции или, скажем, отряда, оборонявшего здание телевидения (Vasić, 2000: 14–15).

Деньги, спецоборудование и организационно-технические сведения могли поступить только из-за рубежа. Не надо быть чрезмерно проницательным, чтобы понять, насколько профессионально иностранные спецслужбы провели работу среди служащих госаппарата Милошевича, особенно МВД, и военных. Разведслужбы, как и в других подобных случаях, обладали по крайней мере двумя видами мощного оружия воздействия для вербовки сотрудников в этих важнейших для любого авторитарного государства структурах. Первое – деньги. Как ни старался Милошевич «прикормить» полицию и армию, они зарабатывали лишь немногим больше, чем другие чиновники. Для тех же, кто в деньгах не нуждался, являясь частью мафиозной сети Милошевича, был подготовлен другой вид оружия: обещание помилования. Чем выше чин у полицейского, тем щекотливее для него был вопрос о коррупции и военных преступлениях. Естественно, у высших чинов были все основания бояться суда по делу «о приумножении противоправной выгоды путем злоупотребления служебного положения», о нарушении

прав человека или преступлениях против человечности.

Поэтому не стоит удивляться, если вдруг окажется, что странные промахи офицеров полиции при обороне Господина мотивированы не патриотизмом или стремлением к справедливости, чувствами, долго подавлявшимися и 5 октября вырвавшимися наружу, а сотрудничеством с какой-нибудь разведслужбой. Если платой за «отпущение грехов» для сотрудника МВД было всего лишь уклонение и попустительство или предоставление представителям оппозиционного движения нужной информации, надо признать, что это было весьма выгодное предложение для большинства чиновников Милошевича. Такого рода сделки могли быть заключены, по свидетельству Джинджича, в ночь на 5 октября или в ходе событий переворота. Но скорее всего, часть служащих МВД еще раньше была привлечена к сотрудничеству с оппозицией, что является результатом работы зарубежной разведки.

Конечно, не стоит переоценивать этот фактор в событиях 5 октября. Определенно, со времени войны 1999 г. правительство мировой сверхдержавы одной из главных задач своей внешней политики сделало ликвидацию режима Милошевича любой ценой. (Бесспорно, скорее вследствие дерзкого отпора Милошевича безраздельному американскому господству, нежели из-за его непозволительно самодержавной политики.) Но если бы Милошевич не совершил роковую ошибку, приняв участие в президентской гонке; если бы сербский народ практически единогласно не проголосовал против диктатора; если бы граждане не разозлились из-за совершенной кражи выборов и не вышли на улицы с намерением расквитаться с угнетателем; если бы рядовым полицейским и солдатам не надоело защищать режим президента, вряд ли иностранным спецслужбам удалось спровоцировать события 5 октября. Они могли предоставить помощь в подготовке государственного переворота. Особенно если бы Милошевич избрал курс диктатуры, а судя по его политике, так оно и было бы. Но для государственного переворота пришлось бы выжидать благо-

приятных условий, долго готовиться, а на все это нужно время. 5 октября переворот совершил оскорбленный и рассерженный народ, иноземный же фактор помог, чтобы все прошло как можно более гладко и обошлось малой кровью.

События 5 октября и демократия

После того как мы выделили различные составляющие переворота 5 октября, теперь следует рассмотреть их влияние на установление демократического порядка в Сербии.

Противоречивы с этой точки зрения народно-революционные устремления: в них присутствуют как положительные, так и отрицательные черты. Положительная сторона – возросшая уверенность народа в собственных силах. Тот факт, что наконец-то граждане проявили силу, укрепит уверенность, что власть должна нести ответственность перед народом, а не наоборот. Если это мнение укоренится среди обычных людей, можно считать, что Сербия успешно преодолела первую стадию так называемой выборной демократии (Diamond, 1996).

С другой стороны, здесь присутствуют моменты, неблагоприятные для дальнейшей демократизации общества. Отдаленное их эхо прозвучало в адресованных новой власти своеобразных посланиях с изображением бульдозера и словами: «Само вас гледамо» («Мы смотрим на вас»), которые в большом количестве можно было видеть на улицах Сербии после событий 5 октября. Это было не только остроумное предупреждение новой власти. В этой фразе содержалась вера, что повседневную работу правительства можно контролировать с помощью угрозы революции, причем, вероятно, со стороны неправительственных организаций и движений, наподобие «Отпора» или «G17Плус». Однако такое функционирование государственного устройства скорее напоминает китайскую культурную революцию, чем западную парламентскую демократию. Не может быть демократии там, где вместо

установленной процедуры, возможно, более медленной, менее продуктивной, но законной, прибегают к насилию, пусть и в благих целях. Еще меньше демократии там, где это осуществляют организации, не входящие в выборный список, поскольку неизвестно, сколько граждан стоит за ними и действительно ли они выражают народную волю.

Вооруженный мятеж влечет за собой в основном плохие последствия для демократизации. Часть совершивших переворот оппозиционеров укрепились во мнении, что народ доверчив, легко поддается на провокации, им легко манипулировать и что этим можно воспользоваться, если того потребуют высшие политические цели. Например, если бы представители оппозиции, придерживающиеся такой точки зрения, открыто объявили о своих замыслах, ссылаясь на то, что на насилие надо отвечать только насилием, их не только властвующие круги обвинили бы в терроризме, но и вряд ли за ними пошло бы такое количество народу. Но они говорили об исключительно мирном негодовании, о законности данного действия, о недопустимости любой крайности и любого насилия. То есть именно то, что хотел услышать простой гражданин, панически боящийся новой войны. А на самом деле... «Вся моя стратегия, — признается ныне Джинджич, — была направлена на то, чтобы заставить Милошевича жечь за собой мосты, накалить ситуацию. Вся наша кампания сконцентрировалась на том, чтобы внушить ему мысль о судьбоносности предстоящих выборов. А когда он их проиграл, мы сделали все возможное, чтобы он не признал поражение, чтобы начал сопротивляться и вывел армию и полицию на улицы. Следовательно, мы целенаправленно подталкивали его к экстремизму, поскольку это был единственный способ совершить глобальные перемены посредством этих, в сущности незначительных, выборов».

Таким образом, пока граждане наивно верили, что выходят на мирный марш протеста с целью мирно разрешить вопрос об исходе выборов, часть оппозицион-

ных лидеров сознательно подогревала и обостряла ситуацию. К счастью, события 5 октября завершились практически бескровно, за исключением двух случайных жертв. Но ведь могли быть и тысячи жертв. Был бы

Акции молодежной организации Отпор

Милошевич единственным виновным в этом случае? Или, может быть, часть ответственности следовало бы возложить на тех оппозиционеров, которые «целенаправленно подталкивали его к экстремизму»? Возможно, ветхозаветная формула «око за око и зуб за зуб» справедлива. Однако одно дело — применить силу при самообороне, и совсем другое — вывести женщин и детей на улицы, ибо протест объявлялся мирным (поэтому на улицы столицы вышли целые семьи), и наблюдать, будут ли в них стрелять и давить танками, дабы диктатор «показал свое истинное лицо». Джинджич и все остальные, готовясь к обороне, могли вооружиться автоматами Калашникова, «Молотов-коктейлями» и ручными ракетными установками. Они даже могли бы подсчитать, какое количество жизней было бы «приемлемой» ценой свержения самодержца из Дединье. Но в списке

тех приносимых в жертву человеческих жизней первыми должны были быть их имена. Они не имели права допустить, чтобы тысячи безоружных людей, задыхаясь от ядовитых газов, подверглись атаке БТР и беспощадным побоям полиции, в то время как сами «великие комбинаторы» спокойно отсиживались в своих белградских виллах под надежной охраной вооруженных до зубов телохранителей. Такое хладнокровное злоупотребление народным доверием, которое проявили 5 октября некоторые вожди оппозиции, ставит под сомнение искренность их стремления к демократическому устройству и соблюдению интересов граждан.

У заговорщической стороны событий также есть отрицательные черты. Поскольку в решающую минуту руководящий состав армии и МВД отрекся от Милошевича, они сохранили за собой власть, в отличие от самого президента. Если посмотреть, кто сейчас заведует полицией и армией, то можно увидеть те же самые лица, что и при режиме Милошевича. Но если в армии это может и не представлять опасности, то в МВД этот факт чреват самыми печальными последствиями для демократического будущего страны. Костяк полиции во времена Милошевича был связан с организованной преступностью и незаконной торговлей, захватившими самые доходные сферы сербской экономики. Полиция была замешана в большинстве темных дел, от торговли нефтью, наркотиками и сигаретами до распродажи иностранцам народных богатств (дерева, меди, зерна, произведений искусства). Скажем, торговлю сигаретами держали не какие-нибудь мелкие перекупщики. В этом деле сотрудничали иностранные табачные компании (например, British American Tobacco), с одной стороны, и с другой — представители верхушки власти (например, сын Милошевича Марко), что приносило десятки миллионов долларов чистой прибыли. Покрывали же этот бизнес и участвовали в нем многие высокопоставленные полицейские. Таких коммерческих предприятий было немного, и они составляли финансовое средоточие сербского общества.

Ныне основной предпосылкой установления либеральной демократии является замена теневой преступной экономики открытой рыночной. Но как достичь этого без ликвидации отжившей структуры, в которой полиция играла столь значительную роль? Хватит ли сил у новых правителей разворошить найденное «осиное гнездо» или, как это часто бывает, они тоже подвергнутся искушению и попадут в порочный круг? Эти вопросы непосредственно связаны с элементом заговора, присутствовавшим в событиях 5 октября, а особенно с сотрудниками органов внутренних дел. Сейчас, конечно, рано делать какие-либо выводы. Но общественность уже располагает некоторыми данными насчет того, как далеко продвинулось разоблачение деятельности Милошевича. Вновь обратимся к примеру табачного бизнеса. Поскольку табак доступен тем же образом, в тех же местах и по тем же ценам, что и при Милошевиче, в этой области ничего не изменилось. Только теперь место Марко занял какой-нибудь Зоран или Йовица.

В участии иноземного фактора также кроется множество опасностей. Действительно, в международном плане демократия занимает господствующие позиции. Авторитарный режим в стране, в отличие от предыдущих периодов, не находит опоры у какой-либо антидемократической силы (как недавний СССР или нацистская Германия). Из этого можно было бы заключить, насколько благотворно сказывается влияние зарубежья на демократические преобразования в Сербии. Однако это не совсем так. Зарубежные страны прежде всего ищут собственную выгоду. А основной задачей новой демократической власти в Сербии является отстаивание интересов народа, которым эта власть управляет. А что если эти две позиции не совпадают? И что если иностранные государства попытаются через своих агентов воздействовать на правительство, чтобы интерес зарубежья возобладал над народным? И не единожды или дважды, а всегда, когда создастся подобный диссонанс? Не повредит ли это не только демократической власти в Сербии, но и всей системе демократии в стране?

В заключение, придя к выводу, что отрицательные стороны в приведенных четырех аспектах преобладают над положительными, следовало бы заключить, что перспективы демократизации в Сербии не особенно радужны. Между тем этого не стоит делать без подробного анализа совокупности всех событий 5 октября. Они многослойны, но не все уровни одинаково важны ни для совершившегося переворота, ни для перспектив демократизации Сербии. Поэтому надлежит понять преобладающую природу событий 5 октября и только тогда задаваться вопросом о будущем демократической Сербии. Но это уже задача для другого исследования.

- ¹ Демократическая оппозиция Сербии (ДОС) – объединение 18 оппозиционных партий, среди которых только две крупные, Демократическая партия (ДП) и Демократическая партия Сербии (ДПС). На президентских выборах 2000 г. Воислав Коштуница был кандидатом именно от этого блока. – *Прим. переводчика.*
- ² Небойша Чович – вице-премьер правительства Зорана Джинджича, а также председатель Координационного центра по Косово и Метохии. – *Прим. переводчика.*
- ³ Боголюб Арсениевич – художник-самоучка, начавший политическую карьеру с возведения монумента Милошевичу в виде огромного красного фаллоса. Один из самых колоритных сербских бунтарей, не раз попадал в тюрьму за агрессивное поведение на манифестациях. – *Прим. переводчика.*
- ⁴ Влайко Стойилькович – глава МВД Сербии. – *Прим. переводчика.*
- ⁵ Колубарские шахты (бассейн «Колубара») – крупнейший в Сербии угледобывающий комплекс, главный поставщик топлива для самой крупной в Сербии тепловой электростанции «Никола Тесла» в г. Обреновац.
«Тамнава» – шахта близ г. Лазаревац. – *Прим. переводчика.*

ЛИТЕРАТУРА:

- Antonić, Slobodan (1997): "Krizna i učvršćivanje vlasti u Srbiji", *Gledišta*, т. XXXVIII, № 1–6, str. 76–92.
- (2000): "Priroda poretka u Srbiji u poslednjim godinama Miloševićeve vlasti", *Sociologija*, т. XLII, № 4 (в печати).
- рукопись: "Priroda Petooktobarskog prevrata i demokratija"
- Bujošević Dragan i Ivan Radovanović (2000). 5. Oktobar. Dvadeset četiri sata prevrata. Beograd: Medija centar.
- Diamond, Larry (1996). "Is the Third Wave Over?", *Journal of Democracy*, № 3, pp. 20–38.
- Đinđić, Zoran (2000). "Kako smo srušili Miloševića", *Blic News*, (1): 1 Novembar 2000, str. 33–36, (4): 2 Novembar 2000, str. 33–36.
- Luttwak, Edward (1969). *Coup d'Etat: A Practical Handbook*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Vasić, Miloš (1991). Predgovor za fotomonografiju. 9 Mart. Beograd: K.A.M.E.N.K.O. (2000). "Rumunski model na srpski način: kritična 24 sata", *Vreme*, br. 510 (12 Oktobar), str. 14–16.

Перевод Евгении Потехиной